Инв. 51538 10/XV ЛБ10 611

2-я Отечественная Война 1914 г.

Нѣмецкія ....

.... Осы.

ТРИ РАЗСКАЗА.

1) Товарищи.
2) Хозяева и работникъ
3) Двѣ думы.

Типографія А. А. Стрѣльцова, Чистые Пруды, д. 13.
МОСКВА—1914.

Изящные

Обои

ТРИ РАЗСКАЗА.

Л Б10 611

2-я Отечественная Война 1914 г.

Нѣмецкія ★★★ ★★★ Осы.

Три разсказа.

1) Товарищи. 2) Хозяева и работникъ. 3). Двѣ думы.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ
№ 86656

Изданіе А. А. Стрѣльцова.

Типографія А. А. Стрѣльцова, Чистые Пруды, д. 13
МОСКВА.—1914.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
647443

ТОВАРИЩИ.

Разсказъ.

Окуневу, скромному молодому человѣку, ученье не задалось. Поучился онъ въ свое время въ городскомъ училищѣ, не кончилъ курсы и поступилъ въ контору крупной торговой фирмы на маленькое жалованіе. День проводилъ въ конторѣ. По вечерамъ бренчалъ дома на балалайкѣ или на мандолинѣ. Съ товарищами не водился. Не любилъ. Отъ товарищей добра не бываетъ: и вино пить научатъ, и въ карты играть, и прочему всему, чѣмъ лучше бы и не заниматься.

Прослужилъ нѣсколько лѣтъ. Жалованія прибавили старшимъ назначили. Въ родѣ начальники сталъ надъ нѣсколькими такими-же мелкими конторщиками какимъ былъ самъ.

При призывѣ къ отбыванію воинской по-

винности былъ зачисленъ въ ратники ополченія. Отбылъ короткую ратническую учебу, мѣсяцъ тамъ, что-ли, или полтора и опять свой табуретъ въ конторѣ.

Словно и не уходилъ никуда.

Слился съ своей конторой, не тяготился работой и не бѣжалъ отъ нея.

Напротивъ. Въ праздники скучалъ по своему дѣлу.

Набился къ нему какъ-то въ товарищи нѣмецъ одинъ, молодой, почти мальчишка. По фамиліи, Цвейманъ.

Бабушка Окунева-жилъ онъ у бабушки,— старуха пронзительная, какъ опредѣляли ее сосѣдки, бабушка эта говорила ему:

— Не водись, смотри, съ Карлушкой! Какой онъ тебѣ товарищъ? Шатается безъ мѣста. Неизвѣстно кто и откуда. Еще стащитъ что-нибудь въ ину пору. Ищи потомъ. Не водись, говорю съ нимъ до добра не дойдешь!

Но Окуневъ смотрѣлъ на людей иными глазами. Цвейманъ казался ему хорошимъ.

Однако, это только казалось.

Въ дѣйствительности, онъ былъ негодяй и пройдоха. Пройдоха замѣчательный.

При содѣйствіи Окунева поступилъ въ въ ту-же контору и сѣлъ рядомъ со своимъ другомъ-покровителемъ.

Пристроился. Сталъ при мѣстѣ. Все-же, старуха Окунева ворчала:

— Лучше-бы не ходилъ къ намъ. Видно-ли было допрежъ, чтобы внучекъ въ церковь не ходилъ? Слыхано-ли было, чтобы слова такія говорилъ, какъ теперь говоритъ? Испортилъ его нѣмецъ проклятый, всегда говорить буду.

Старуха была права. Подъ вліяніемъ Цвеймана Окуневъ сталъ другимъ.

Цвейманъ привилъ скромному, неиспорченному Окуневу ту нравственную заразу, которою заражены въ наше время очень и очень многіе молодые люди.

Слушалъ разъ слушалъ Окунева одинъ старый знакомый и не вытерпѣлъ, сказалъ ему:

— Былъ ты сынъ своего отечества, а теперь ты-сукинъ сынъ!

Въ такомъ духовномъ развалѣ находился Окуневъ, когда наступила война.

Призвали запасныхъ. Расклеили объявленія о призывѣ ратниковъ.

Окуневу трудно было итти.

Прежній Окуневъ пошелъ-бы съ полной готовностью на защиту Царя и отечества.

Настоящій Окуневъ, по совѣту Цвеймана, пошелъ къ какому то доктору съ нерусской фамиліею.

Въ результатѣ остался. Его освободили.

Цвейманъ говорилъ:

— Вотъ видишь! Если-бы не я, тебѣ пришлось-бы итти на войну.

Какъ будто, итти на войну плохое дѣло.

Даже бабка, и та не одобрила:

— Балбесъ ты! Люди идутъ, а ты остался... Безстыдникъ! Палкой-бы тебя съ твоимъ-то Цвейманомъ вмѣстѣ!

Окуневъ поигрывалъ себѣ на балалайкѣ, да посмѣивался.

Впрочемъ, у него теперь были и еще дѣла, кромѣ игры на балалайкѣ.

Цвейманъ познакомилъ его съ разными дѣвицами, и онъ уходилъ къ нимъ.

Жалованья ему уже не хватало.

Служба стала тяготить его. Теперь онъ рвался изъ конторы. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ часы, когда можно уходить и спѣшилъ домой, чтобы, наскоро, пообѣдавъ, итти гу-

лять съ барышнями и вообще, проводить время съ ними.

Цвейманъ-же преуспѣвалъ по службѣ. Бралъ онъ не трудолюбіемъ, не усидчивостью, а чѣмъ-то другимъ.

— Языкомъ,—говорили одни.

— Языкомъ-то языкомъ,—соглашались другіе,—да, кромѣ того, за него директоръ одного банка хлопочетъ, нѣмецъ тоже, ну, выходитъ, свой своему.

Цвеймана повысили. Онъ занялъ должность выше Окунева, могъ распоряжаться этимъ послѣднимъ.

И началъ распоряжаться, да еще какъ!

Спины затрещали и Окунева и у другихъ конторщиковъ.

Самъ Цвейманъ рѣшительно ничего не дѣлалъ.

Онъ умѣлъ только приказывать.

Приказывалъ нагло. Обращался грубо.

Окуневъ, возмущенный его наглостью и грубостью, напомнилъ, однажды, ему его прежнее положеніе сказавъ, что старый хлѣбъ, соль, должно быть, и вѣрно, забывается.

Цвейманъ доложилъ, что Окуневъ оскорбилъ его. Окунева уволили.

Хозяева и работникъ.

Разсказъ.

Во всемъ Ильинѣ, большой приволжской, деревнѣ, дворовъ въ сорокъ, не было другой точной семьи, какъ Кореньковы. Семья большая, работниковъ много, не пьяницы, ни гуляки, а жили бѣдно.

Не везло имъ ни въ добрѣ, ни въ худѣ. Худыми-то дѣлами они и не занимались. Какой-то заѣзжій баринъ, которому разсказывали о житьѣ-бытьѣ Кореньковыхъ, вывелъ заключеніе:

— Иниціативы у нихъ нѣтъ.

Деревня не запомнила мудренаго словечка, но додумалась сама:

— По своему почину они, значитъ, ничего не могутъ дѣлать. Погонялка имъ нужна. Вонъ какъ иной лошади.

Дѣйствительно, тамъ, гдѣ что дѣлалось всѣмъ міромъ Коренковы были въ первыхъ рядахъ.

Въ работникахъ, подъ чужой доглядкой, это были ретивые работники.

Ребята хоть куда.

Въ солдатахъ они были хорошіе солдаты.

Послѣднимъ отбывалъ воинскую повинность Иванъ Кореньковъ.

Видный, здоровый парень. За исполнительность и стараніе былъ произведенъ въ ефрейторы, а затѣмъ, по окончаніи курсовъ въ учебной командѣ, въ младшіе унтеръ-офицеры.

Такимъ образомъ, ефрейтора получилъ, не въ ряду съ другими, ранѣе, потому что прочихъ производили по окончаніи учебной команды, до лагернаго сбора, а потомъ уже въ унтеры.

Отбывъ воинскую повинность, Иванъ Кореньковъ пришелъ въ свое Ильино.

Его не потянуло въ городъ, какъ товарищей, изъ которыхъ многіе остались или въ мѣстѣ стоянки полка дворниками, сторожами, швейцарами, городовыми, или ушли въ другіе города опять-таки на разгульную городскую жизнь.

Однако, и дома Ивану дѣлать было нечего. Управлялись безъ него.

Да и хлѣба было мало, нуждались сильно.

Сговорили Ивана итти въ работники.

Поступилъ онъ въ имѣнье Заозерье, къ

нѣмцу Кощу, верстахъ въ двадцати отъ родной деревни.

Въ свое время богатое было имѣнье. Принадлежало русскому помѣщику.

Разорился помѣщикъ, и попало его добро въ руки Кощу.

Говорятъ, у себя на родинѣ Кощъ послѣднимъ человѣкомъ былъ. Въ тюрьмѣ сидѣлъ, въ Россіи-же разбогатѣлъ и носъ задралъ.

Плохой человѣкъ Кощъ.

Иванъ Кореньковъ, конечно, не вдавался въ разсужденія о качествахъ Коща.

Нанялся, отдалъ паспортъ, сунулъ холщевый мѣшокъ съ двумя рубахами и утиркой въ уголъ въ рабочей избѣ и принялся воротить, что прикажетъ.

Такъ съ ранняго утра до поздняго вечера.

Нѣмцы распоряжаться мастера, а Иванъ по нѣмецкой указкѣ ломитъ и спиной, и бокомъ, ни отъ какой работы не отлынываетъ.

Семья нѣмецкая большая-большая. Плутъ Кощъ, какъ изъ своей, изъ нѣмецкой то, тюрьмы вырвался, такъ одинъ одинешенекъ въ Россію прибѣжалъ, съ теченіемъ-же времени у него и жена-нѣмка оказалась, да

такая, что и слова по—русски выговорить не можетъ, и нѣмчурятъ штукъ съ десятокъ Нѣмчурята, впрочемъ, ужъ здѣсь, на мѣстѣ, народилися. Съ русскаго привольнаго житья, съ хорошаго корма, нѣмка ихъ натрясла.

Иванъ и другіе русскіе люди и не знали, да и ни къ чему, словно, имъ, что Кощъ съ качихой и совсѣми своими коченятами вовсе даже и не русскіе подданные.

Кто ихъ знаетъ! Про то начальство вѣдать должно допустило ихъ жить въ самой середкѣ Россіи, на самыхъ хорошихъ мѣстахъ, значитъ, можно имъ.

Чего еще раздумывать?

Встанетъ Иванъ съ пѣтухами, переворочаетъ за день не счесть сколько всякаго дѣла, умается, такъ ему и не до того.

Главное, чтобы деньги платили.

А платить Кощъ платилъ, хотя и скупо, и съ прижимкой, а, все-таки, платилъ.

Онъ платилъ Ивану, Иванъ передавалъ деньги своимъ въ свою деревню. Тамъ съ грѣхомъ пополамъ затыкали ими большія дыры и прорѣхи и хотя попрежнему недоѣдали, но и съ голода не умирали и ѣдо-

комъ однимъ меньше было.

Такъ и шло время.

Такъ наступилъ и тотъ день, когда примчавшійся урядникъ вручилъ Ивану карту и строго на строго словесно приказалъ черезъ недѣлю явиться на сборный пунктъ въ уѣздный городъ.

Война. Иванъ и не слыхалъ о ней ничего яснаго и опредѣленнаго.

Гдѣ-же?

У Коща нѣмецкая газета. Читаетъ онъ ее тамъ у себя въ домѣ. Русской газеты нѣтъ, и читать некогда и слышать не откуда.

Въ людской больше все бабы. Мужчинъ онъ, Иванъ, и еще два-три мужика.

Ничего они не слыхали.

Слышно было только, два старшихъ хозяйскихъ сына собрались ѣхать къ себѣ, къ нѣмцамъ, а зачѣмъ ,—опять-же имъ, въ людской, это не вдомекъ.

Ничего не знаютъ они.

Нечего съ нихъ и спрашивать. Темный народъ.

Къ полученію Иваномъ призывной карты хозяева отнеслись сначала повидимо, рав-

нодушно, но потомъ они стали позволять себѣ злобно высмѣивать его:

— Ну, Иванъ, ты скоро на войну пойдешь, насъ бить будешь?

— Какъ васъ?—озадачился Иванъ, чай, не васъ, а враговъ отечества...

— Ну, да нѣмцевъ! А мы-же тоже нѣмцы!

— Вы—наши, русскіе... нерѣшительно мялся Иванъ.

— Мы тебѣ покажимъ русскіе! Свинья ты русская!

Иванъ и остальные обитатели людской избы такъ и не поняли, чего это хозяева лаются? Работа, кажется, вся справлена? Отъ работы Ивана ладони сплошной мозолью были.

Не отпустилъ Кощъ Ивана и къ своимъ въ деревню, побыть съ ними послѣдніе дни.

— Успѣешь, уйдешь!

Все-же, Иванъ выпросилъ разсчитать его за сутки до явки на сборный пунктъ.

Съ бранью и злыми насмѣшками Кощъ согласился:

— Хорошо. Завтра утромъ получишь и уйдешь въ свой свинятникъ!

Это было днемъ, а вечеромъ въ домѣ

Кощевъ, послѣ сытнаго, съ обильной выпивкой, ужина было совѣщаніе. Обсуждали какъ быть съ Иваномъ. Здоровый безотвѣтный работникъ. Жаль было отпустить.

Этотъ русскій швинь, какъ лошить карошій.—Аттестовалъ работоспособность Ивана сынъ Коща, Карлъ, по-русскій, хотя, вообще, весь разговоръ велся исключительна нѣмецкомъ языкѣ, какъ и всегда въ семействѣ Кощевъ.

Карлъ былъ пьянъ. Онъ ѣздилъ куда-то къ сосѣдямъ и выпивкой за ужиномъ дома только дополнилъ выпитое въ гостяхъ. Тоже пьянъ, но менѣе, былъ и другой братъ, Адольфъ. Этотъ былъ завзятый алкоголикъ и постоянно пилъ потихоньку отъ родныхъ и дома.

— У меня есть мысль. Хорошая мысль сказалъ Кощъ-отецъ.

— Какая?—спросило нѣсколько голосовъ.

— Можетъ быть, Иванъ и не пойдетъ.

— Какъ-же это будетъ? Не возьмутъ по болѣзни? Но, онъ здоровъ, какъ быкъ!—спросила жена.

— Зачѣмъ здоровъ? Можетъ быть и не здоровъ.. Вы забыли, что у насъ естьфла-

конъ того средства, которое у насъ оставилъ докторъ Гольцъ. Дать ему, и онъ будетъ намъ работникъ, какъ былъ, но онъ не будетъ солдатъ, и у кайзера будетъ меньше однимъ противникомъ. Развѣ, это нельзя?—Поднялъ высоко брови Кощъ отецъ.

— Но когда и какъ ему дать?—Возразила жена,—теперь онъ спитъ...

— И притомъ,—перебилъ мать съ пьянымъ хохотомъ Карлъ,—отецъ, вѣроятно, думалъ, что Иванъ согласится выпить!

— О! Не совсѣмъ,—отвѣтилъ Кощъ,—но можно такъ, чтобы онъ не зналъ.

— Теперь ночь. Онъ спитъ. Завтра рано онъ уйдетъ отъ насъ,—задорно вступился въ разговоръ Адольфъ,—и это все не такъ. Просто, я думаю, завтра, когда онъ отправится отъ насъ, я буду съ ружьемъ на охотѣ вблизи дороги, въ заросли. У меня ружье будетъ заряжено мелкою дробью. Я выстрѣлю ему въ ноги. На войну онъ не попадетъ, но онъ скоро оправится и будетъ у насъ.

— Почему дробью, а не пулей и почему въ ноги а не выше, не въ бокъ или грудь, или въ голову,—пьяно вскричалъ Карлъ,—я

пойду и не на охоту, а чтобы уложить русскую свинью. Пожалуй это будетъ и охота, на свинью и пулей, а не дробью. Дробью! Въ ноги! Глупости! Глупости, Адольфъ! Пойду я, я, Карлъ Кощъ, вѣрноподданный нашего дорогого кайзера, вѣрный солдатъ великой нѣмецкой арміи. Я много перебью русскихъ, когда встану въ ряды ея, но первымъ убитымъ мною враговъ будетъ здѣсь этотъ работникъ. На что онъ намъ? Не найдется, развѣ на его мѣсто десятокъ другихъ не хуже его, дайте-же мнѣ убить его! Завтра утромъ я подстрѣлю его изъ перелѣска, и кончено дѣло или какъ говорятъ русскіе-же, и конецъ въ воду. Хорошо?

— О! Да! Да здравствуетъ кайзеръ и да расширится нашъ фатерландъ до границъ Китая!—Закричали всѣ нѣмцы, не исключая десятилѣтняго мальчишки, младшаго изъ дѣтей достойныхъ супруговъ Кощевъ

На другой день на дорогѣ у перелѣска крестьяне нашли трупъ Ивана съ огнестрѣльною раною въ груди.

Онъ палъ жертвой нѣмецой злобы, ненависти и звѣрства вдали отъ театра войны, въ центрѣ своего отечества!

Карлъ и Адольфъ Кощы въ тотъ-же день уѣхали въ Швецію, чтобы оттуда пробраться въ Германію для поступленія въ ряды нѣмецкихъ полчищъ.

Двѣ думы.

Разсказъ.

Мглы осенняго вечера. Отходящее ко сну въ своихъ тихихъ улицахъ и глухихъ переулкахъ замоскворѣчье. Въ длинномъ, бѣломъ одноэтажномъ домѣ на одной изъ улицъ въ двухъ окнахъ изъ-подъ занавѣсокъ скользитъ на темную улицу свѣтъ. Въ просторной угольной за ломбернымъ столомъ сидитъ владѣлецъ дома Петръ Семеновичъ Кромкинъ. Ломберный столъ въ роли письменнаго и угольная отвѣчаетъ за кабинетъ. Это новшество, допущеніе Петромъ Семеновичемъ недавно. Не столько подъ напоромъ новыхъ вліяній, а такъ само собою вышло. Жилъ человѣкъ всю жизнь по старинному, по московскому, держалъ три лицевыхъ комнаты въ отмѣнной чистотѣ и въ полнѣйшей неприкосновенности чуть не на замкѣ; ютился самъ съ домашними въ зад-

ней половинѣ и ни въ какомъ кабинета не чувствовалъ надобности, несмотря на то, что велъ солидные торговые дѣла.

Желѣзникъ ставшій послѣ смерти отца владѣльцемъ небольшой лавки въ городѣ, набитой всякимъ товаромъ скобянымъ товаромъ, онъ въ свое время успѣшно превратилъ ее въ магазинъ стальныхъ издѣлій съ спеціальнымъ отдѣленіемъ хирургическихъ инструментовъ. Ему первому пришла мысль пустить въ торговлю эти инструменты русскаго издѣлія, работы русскихъ кустарей.

Смѣлая мысль конкурировать съ нѣмецкимъ товаромъ и съ торговцами-нѣмцами осуществлялась великолѣпно. Да, и не удивительно было, потому что, продававшіеся нѣмцами по высокой цѣнѣ, вещи были низкаго качества. Щипцы изъ плохой стали гнулись и разгибались во время операцій, ножи и пилы крошились вслѣдствіе дурной закали. Работа русскихъ кустарей была не такова. Отличный матеріалъ, чистая отдѣлка и притомъ дешевая цѣна.

Образцы кустарямъ далъ Кромкинъ.

Торговля его пошла хорошо, принося барыши ему и давая хорошій заработокъ

большой группѣ бѣдныхъ русскихъ ремесленниковъ.

Все дѣло Кромкинъ велъ на наличныя. Всѣ расчеты производились словесно, быстро безъ оттяжекъ.

Но... нѣмецъ не дремалъ.

Появился нѣкій Вабе.

Началъ и онъ заказывать кустарямъ и скупать у нихъ хирургическіе инструменты.

Открылъ сразу большой магазинъ. Разсылалъ во всѣ стороны цѣлую премію комми-вояжеровъ и прочей мелочи, двигающей торговлю, и опрокинулъ дѣло Кромкина, пустивъ на первое время цѣны ниже его.

Причемъ у Вабе оказалось пріимущество. На его товарахъ стояли нѣмеція клейма, а русскій народъ, какъ извѣстно, имѣетъ слабость ко всему заграничному.

Что не наше, то, значитъ, лучше нашего Такъ-ли это?

Въ данномъ случаѣ безсовѣстный Вабе просто на просто одурачилъ публику.

И громадные барыши потекли въ его карманъ, русскіе-же рабочіе оказались въ кабалѣ и за копѣйки работали до кровавого пота въ жилистыхъ нѣмецкихъ рукахъ.

Однако, и Кромкинъ боролся. Пытался и онъ разсширить свое дѣло, привлечь покупателей кредитомъ. Пришлось обзавестись бланками векселей, счетовъ и другими иными, бумажными предметами.

Понадобились при магазинѣ контора, а дома кабинетъ.

Вотъ тутъ-то Кромкинъ, скрипя сердце, и вынесъ по чистымъ половинамъ парадныхъ комнатъ замасленные счета и замусоленныя книги въ угольную.

Нужно было дѣлать и думать.

И дѣлать много, и думать не мало.

Такъ чтобы не мѣшали.

Тѣмъ не менѣе, по скольку росла торговля Вабе, по стольку-же становилось слабѣе дѣло Кромкина. Желѣзный товаръ тоже падалъ.

Заложилъ домъ. Отцовскій домъ.

Необходимость заставила обратиться къ Адаму Адамовичу Кнуту.

Жилъ-нѣмецъ, да дѣлать нечего. Этотъ нѣмецкій кнутъ хуже русскаго арапника,—говорили о немъ москвичи,—арапникъ-то вдоль всей спины хватитъ, а кнутъ этотъ и совсѣмъ мертвой петлей захлеснетъ.

Такъ говорили, а шли, все-же, къ нему.

Кнутъ былъ не милосерденъ.

Ни дня отсрочки. Торги и кончено.

Много домовъ пошло съ молотка по его милости.

Онъ только тогда нѣсколько разжималъ свои страшные пальцы и дѣлалъ уступки, когда видѣлъ что, все равно, и помимо его могутъ выкрутиться и перехватить въ другомъ мѣстѣ.

И, все-же, шли къ кнуту закладывать ему свои дома.

— Авось, небось, да какъ-нибудь

— Меня, можетъ быть, не обидитъ.

Думали довѣрчивые москвичи и дѣлались жертвами кнута.

Сидя за ломбернымъ столомъ, заваленнымъ книгами и счетами, Петръ Семеновичъ сегодня былъ настроенъ особенно, не по торговому. Въ немъ говорила душа гражданина.

— Тамъ за насъ кровь проливаютъ размышлялъ онъ. Вонъ раненыхъ сюда привозятъ. Слышно, мѣсто мало въ лазаретахъ. Устраивать нужно. Перейду, возьму, я въ заднюю половину, либо и на кухню, у насъ она большая и чистая,—а отдамъ домъ

подъ лазаретъ... Что, въ самомъ дѣлѣ? Нужно послужить отечеству. Инструментовъ коробъ непочатый есть. Пожертвую куда въ госпиталь. Все одно прибыль отъ нихъ не велика а тамъ, однако, на пользу пойдетъ. Пожертвую.

Задумался Кромкинъ. Такъ. Неопредѣленно. Просто мысль забродила. То, другое приходитъ въ голову отрывками.

И мелькнуло вдругъ:

— А вѣдь закладной срокъ, на дняхъ вышелъ. Положимъ, письмо Адаму Адамовичу послалъ. Душа-то въ немъ есть, я думаю. Теперь какое время? Долженъ понять. Хоть онъ и нѣмецъ, а, все таки, долженъ чувствовать. Давно между нами живетъ. Можно сказать, мы его своимъ считаемъ. Нашъ онъ. Ужли-же продастъ, не потерпитъ выгонитъ изъ дома. Изъ родительскаго-то?!

Крѣпче задумался Кромкинъ. Застылъ какъ-то даже, и самъ собою затушевалась мысль о пожертвованіи инструментовъ въ госпиталь и дома для помѣщенія раненыхъ.

Въ тотъ-же часъ, тамъ-же, въ замоскворѣчье, но на большой улицѣ, въ большомъ особнякѣ, въ кабинетѣ съ богатою обста-

новкою,—не чета той, что въ угольной Кромкина,—въ креслѣ у мерцавшаго уголь ками камина, полулежалъ Адамъ Адамовичъ.

Дѣлецъ. Заимодавецъ. Ростовщикъ.

Полулежалъ. Полудремалъ. Думалъ мечталъ.

Мечталъ, потому что думы его были сладки, какъ мечты, Все хорошо. Все радуетъ.

Тамъ, кажется, не совсѣмъ хорошо, Кайзеръ Вильгельмъ погорячился. Ну да ничего! Деньги ему нужно. Мы будемъ давать ему, денегъ. Мы, мы! Насъ много! очень много. И денегъ мы дадимъ много! очень много. Добудемъ и дадимъ. У русскихъ возьмемъ. Въ Россіи золота много. Только нужно! умѣть добывать его. О! мы умѣемъ! Тамъ нужно ружья, нужно мундиры, хлѣбъ, да, мало-ли тамъ что нужно! мы все, все дадимъ. Это мы дѣлаемъ для себя, для фо терландъ. Что для фотерландъ, что для себя. Все равно Мы это сдѣлаемъ! О! Да! мы это сдѣлаемъ! Россія должна быть наша И будетъ наша!

Кнутъ бодро поднялся и подошелъ къ письменному столу. Къ огромному письменонму столу. Какъ у иного министра.

Въ одномъ углу этого колосса-стола жалось письмо. Какое-то сѣроватое, не видное.

Кнутъ потянулся къ нему:

— Что это? Ахъ, да! Это этого русскаго! Кро-Кро-Кром-ки-на... Что онъ? Да, насчетъ дома... Ну, что-же на той недѣли будетъ продавать. Этотъ не вырвется. Возьмемъ его. Пора, конкурентъ Вабе. Пора его кончать. Кстати, и деньги нужны. Герръ Кнауфре требуетъ десять тысячъ поскорѣе переслать туда.

Кнутъ позвонилъ.

Пришелъ молодой, бѣлобрысый нѣмецъ.

— Ганцъ, комъ почто?—обратился по нѣмецки къ нему кнутъ.

— Готово.

— Все готово?

— Все.

— Ну, опять черезъ Кнауффе... Знаете?

— Знаю.

— Отправляйте.

Что-то куда-то какимъ-то невѣдомымъ, но, повидимому, вѣрнымъ и торнымъ путемъ отправилось изъ Россіи и, конечно не на пользу ея...

КОНЕЦЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИЗДАНІЕ
А. А. Стрѣльцова.
Москва.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
МОСКВА,
Чистые Пруды, д. 13.